

КРИТИКА.

*Дешница Ново-Болгарскаго образованія. Сочиненіе Василія
Априлова. Одесса. 1844 in 8. VI. — 146 и XXII.*

Въ 1829 году явилась книга подъ заглавіемъ: „Древніе и нынѣшніе Болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ“ (Томъ I). Сочинитель этой книги, молодой, неизвѣстный человекъ, Ю. П. Венелинъ осмѣлился возвысить свой голосъ въ пользу истины, доказывая, что Болгаре принадлежатъ къ племени Славянскому, что они принимали участіе въ событіяхъ первыхъ вѣковъ новой исторіи, что внесли свое имя въ скрижали исторіи всеобщей и что они заслуживаютъ участіи лучшей той, которая теперь дѣлается на ихъ долю. Легко понять, почему важный трудъ глубокаго, одареннаго живымъ и яснымъ умомъ, пылкаго и сильнаго ревнителя чести Славянской, — почему этотъ трудъ Венелина преданъ или площаднымъ насмѣшкамъ фиглярныхъ почтеннѣйшей публики, или презрѣнію нѣсколькихъ великихъ мужей, которые, заучивъ нѣсколько чужихъ фразъ и мыслей, думаютъ, что они проглотили бездну учености, или наконецъ, что всего хуже, горькой безвѣстности. Одни изъ младшихъ дѣятелей человѣчества, мы — Русскіе, по большей части живемъ чужимъ умомъ, и намъ не спѣшно признаваться въ этомъ: дѣламъ необходимы руководители, которые въ свою очередь воспользуются помощію своихъ питомцевъ! Западная Европа опередила насъ на пути къ просвѣщенію; мы, вызванные Великимъ Петромъ, спѣшимъ догнать ее. Намъ итти гораздо легче, нежели нашимъ просвѣщеніямъ, потому, что мы идемъ по дорогѣ сторной, а они прокладывали себѣ путь по дебрямъ и болотамъ, не жалѣя ни трудовъ, ни крови. Слава и честь Европѣ западной! слава и честь намъ, быстро догоняющимъ ее! Но неужели намъ суждено быть вѣчно подъ опекою? неужели мы рождены быть вѣчно дѣтьми? не думаю; потому, что такія положенія противны основному понятію жизни, постоянно развивающейся, постоянно идущей впередъ; не думаю, потому, что не возможно такъ думать, находясь въ здоровомъ умѣ и полной памяти. Продолжая путь по пробитой до-

рогъ и сознавая цѣль своего путешествія, невольно вникаешь въ причины, которыми руководствовались пролагатели этой дороги, всматриваешься въ тѣ обстоятельства, при которыхъ шли они и при которыхъ идешь самъ. Пришедши въ возрастъ, питомецъ обсуживаетъ, шу ли дорогу указать ему воспитатель? къ чему ли направилъ онъ шаги его? не должно ли сойти съ того пути, который былъ указанъ первымъ наставникомъ, потому, что обстоятельства, сознание собственныхъ силъ, природное призваніе и наконецъ видимая польза этого пребудеть. Мы пришли въ тотъ возрастъ, когда необходимо должны родиться подобные вопросы; но эти вопросы еще не всеми сознаются: не легко утвердиться мысли, что свой умъ владыко; не легко возникнуть сомнѣнію въ отношеніи тѣхъ понятій, которыя привили въ времена ранней юности, которыя срослись съ нами; не легко отважиться перемѣнить путь и самому пробивать дорогу новую! Но мы люди, а потому рано или поздно все-таки начнемъ работу, въ которой явимся не опличными учениками — подражателями, какъ теперь, а мастерами самостоятельными.

Каждое племя, каждый народъ, почто такъ же, какъ и каждый человекъ, имѣетъ болѣе или менѣе различные взгляды на вещи; думаетъ по-своему. Каждый любитъ впервыхъ себя, потомъ родныхъ, далѣе согражданъ, за ними единоплеменниковъ, послѣ — чужеродцевъ, отношенія къ которымъ опредѣляются историческими обстоятельствами; впрочемъ это правило, а нѣтъ правила безъ исключенія. Въ духѣ этого правила дѣйствовалъ Западъ; доказательство многочисленны и очевидны для всякаго, кто захочетъ посмотрѣть на вещи безъ предубѣжденія. Примѣтъ народности, частію безсознательно, частію сознательно, соединяется съ нашимъ мышленіемъ, и у каждаго народа наука, какъ и самая жизнь, является съ отпечаткомъ особенности. Особенность предполагаетъ самостоятельность, самостоятельность: ученики, не смотря на разнообразіе своихъ способностей, повинаясь слышанное ими отъ наставника. — Провидѣніе, надѣливъ насъ способностію понимать вещи, тѣмъ самымъ утвердило за нами обязанность повѣрять своимъ умомъ справедливость тѣхъ понятій, которыя мы приняли въ ранней юности, повѣривъ Пѣмцамъ на-слово. Сообразивъ историческія, географическія и этнографическія обстоятельства, мы легко можемъ по-

нять, что мысль Запада для насъ не всегда можетъ быть мыслию справедливою, что мы, какъ часть міра славянскаго, имѣемъ обязанность внести и свою лепту въ сокровищницу земной разумности. Опличительныя черты жизни существа разумнаго состоятъ въ томъ, что жизнь наспоющаго для него не есть цѣль, которая лежитъ въ будущемъ, что судъ потомства для него важнѣе суда современниковъ, что только самостоятельность доставляетъ удовольствіе его самолюбію въ настоящемъ и даетъ возможность жить въ потомствѣ. Самодѣтельность, стремленіе къ славіи и жизнь загробная — вотъ источникъ всего высокаго! Вотъ основаніе, на которомъ воздвигается величественный храмъ истины, блага и изящества! Вотъ причины славы и безславія! Неужели мы откажемъ отъ самостоятельности? А судъ потомства? А сознание собственного достоинства? А презрѣніе? Нѣтъ! несправедливо сказалъ поэтъ:

И прахъ нашъ, съ спрогоспью судьи и гражданина,
Помонокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманушаго сына
Надъ промѣшавшимся опцомъ.

Нѣтъ! придетъ и наше время; оно близко; оно насшупаетъ. — Начинаешь высказываться самосознаніе, сознание своихъ силъ, — а это первый шагъ въ самостоятельности! Пусть увѣряютъ насъ, что горящіе въ пользу славянскаго міра, въ пользу самостоятельности его, поступаютъ, какъ юноши, которые иногда пренебрегаютъ замѣчаніями старшихъ, рвущаясь освободиться изъ подъ опеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ надѣлашь глупостей и погубить себя преждевременно. Всему есть предѣлъ: есть предѣлъ и опеки, и если она продлится долѣе назначеннаго благоразуміемъ срока, то горе питомцу! Нельзя учиться жить и не сдѣлашь ошибки; нельзя научиться жить, не сдѣлавъ ни одной ошибки. Надобно ли доказательство? Кто изъ насъ не встрѣчалъ людей, которыхъ держали въ черномъ плѣтѣ въ то время, когда другіе въ эти годы уже получаютъ право испытывать свой умъ въ приложеніяхъ къ жизни? Кто изъ насъ не знаетъ, что это — вѣчныя дѣши, существа жалкія, неспособныя произвести ничего, кромѣ достойнаго или посмѣяннаго или сожалѣннаго? Крайности необходимы, но онѣ опасны. Если всѣ мы будемъ кричать о

помъ, что западная ученость для насъ ненужна, что она противорѣчитъ иногда нашимъ кореннымъ вѣрованіямъ, что она для насъ часто обидна!; пошому, что выводы ея не въ нашу пользу; если такія мысли сдѣлаются общимъ достояніемъ, то.... Но этого не будетъ. Въ то же время, какъ раздается голосъ въ пользу славянской самостоятельности, слышатся трубные звуки, возносящіе превъше облаковъ ученость западную, поражающіе нашъ слухъ не совѣмъ вѣрнымъ извѣстіемъ, что мы въ знакъ благодарности и безусловнаго уваженія должны преклонить колѣна передъ Западомъ, что славянскій міръ не можетъ существовать, пошому, что зерно субстанціи хило и дряхло. Не надобно удивляться современному бытію двухъ противоположныхъ мнѣній — это общій законъ: чтобы найти счастливую середину, надобно знать концы, крайности. Припомъ существованіе крайностей предполагаетъ борьбу, а гдѣ, какъ не въ борьбѣ укрѣпляются силы? Не изъ вызова ли на брань узнается, кто дѣйствительно? Не изъ причины ли вызова можно видѣть, кто стойше за дѣло святое, за честь свою? Не въ продолженіе ли борьбы можно усмотрѣть, кто опважитъ изъ сражающихся, кто поступаетъ благороднѣе? Борьба есть жизнь; необходимость защищаться заставляетъ опыскивать средства, заставляетъ трудиться, а трудясь съ помощію Божіею святая Русь стойше за себя!

Венелинъ принадлежалъ къ шѣмъ, которые за честь славянскую готовы на всѣ самопожертвованія это есть необходимое слѣдствіе любви безкорыстной, убѣжденія святого. Не многіе его встрѣтили привѣтливо, многіе спарались помѣшши его въ домъ умалишенныхъ — такова сила привычки! Онъ заговорилъ о славянскомъ мірѣ, о нѣкогда могущественномъ народѣ Болгарскомъ, о славянизмѣ Руссовъ, онъ заговорилъ или объ шѣхъ предметахъ, о которыхъ Западъ ничего не знаетъ, или заговорилъ такъ, какъ не говорятъ на Западѣ. Этого было довольно для того, чтобы явились многіе охотники затоптать его въ грязь; но сдѣлать это не такъ легко, какъ думаютъ нѣкоторые: стремленіе къ истинѣ всегда находить одобреніе и рано или поздно получаетъ мзду свою. — На памятникъ, который одесскіе Болгаре воздвигаютъ надъ прахомъ покойнаго, написано: «напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ и пламен-

но желалъ видѣть его возрожденіе. Боже Всемогущій! Услыши молитву раба Твоего!» Эта надпись соспавляетъ одно изъ доказательствъ, что жизнь Венелина не была бесполезна, что имя его не умретъ, что опдаленный попомокъ-Славянинъ будетъ произносить его съ благоговѣніемъ. Исполнена была горестями земная жизнь Венелина, но оставленное имъ имя будетъ жадно цѣловать слава: немногимъ предоставлена эта завидная доля! Если опрадно укоренишь въ умѣ и въ сердцѣ другаго какую нибудь задушевную мысль, завѣтное чувство, если опрадно пробудишь въ другомъ самостоятельность и направилъ его во имя всего прекраснаго: что можетъ сравниться съ высокимъ достояніемъ того, который опкрылъ міру цѣлый народъ, и въ эпомъ народѣ пробудилъ сознаніе и возбудилъ его къ незнакомой ему прежде дѣятельности? Безусловная благодарность, которую Болгаре питаютъ къ памяти Венелина, предспавляетъ лучшее ручательство въ томъ, что они многимъ обязаны незабвенному любимелю словенщины!

Теперь передъ нами лежишь сочиненіе г. Априлова, родомъ Болгарина. Въ «Денницѣ» имя Венелина занимаешь видное мѣсто; безъ Венелина не было бы этой книги, пошому, что голосъ его заставилъ сочинителя обратишь вниманіе на свое родное племя. — Недавно еще мы указали на то высокое значеніе, которое Одесса имѣетъ въ опношеніи міра славянскаго, а особенно южнаго; явленіе книги г. Априлова подтверждаетъ нашу мысль. Изъ «Денницы» можно узнать, что Одесса — въ лицѣ Болгаръ, ея гражданъ — принесла много благодарній несчастному болгарскому народонаселенію Турціи; самая «Денница» разгонилъ мракъ, недопускающій Болгаръ видѣть нѣкоторыя вещи въ истинномъ свѣтѣ, и припомъ рожденіе «Денницы» въ Одессѣ заставляетъ предполагать, что изъ этого же города надобно ожидать Болгарамъ распространенія живительныхъ лучей солнечныхъ. Это предположеніе получаетъ большую достоверность опъ того обстоятельства, что въ Одесскихъ духовныхъ и свѣшскихъ учебныхъ заведеніяхъ образуются молодые Болгаре, которые предстоишь блестящая участь — бышь одними изъ первыхъ образователей своего народа. Высоко назначеніе Одессы! высоко назначеніе шѣхъ болгарскихъ юношей, которые стеклись въ нее для того, чтобы просвѣтиться и разлишь свѣтъ по родной землѣ, стереть мрачныя краски, въ кото-

рыхъ предсавляеяся шеперь жизнь ихъ необразованнаго народа, и на мѣсто ихъ наложишь краски свѣплья!

Книга г. Априлова, сообразно съ общимъ ходомъ нашей письменности, вызоветъ два мнѣнія, совершенно различныя. Одни изъ печатающихъ воспрѣпятъ ее презрѣннѣмъ; другіе, въ числѣ копорыхъ помѣщаемъ и себя, прочтуть ее съ рѣдкимъ наслажденіемъ. Человѣку, сколько нибудь сочувствующему успѣхамъ развитія духовнаго вообще и въ особенноти усиліямъ нашихъ единоплеменниковъ сбросишь съ себя цѣпи невѣжества, покажется клеветною наша мысль о томъ, что найдутся люди, копорые не окажутъ расположенія въ книгѣ г. Априлова. Чшобъ не было недоразумѣній, оспановимся на эпомъ обстоятельстве. Есть на Руси журналъ, носящій, громконародное заглавіе — Отечественныя Записки; по поводу разбора моей рѣчи (о развитіи Русской жизни въ опношеніи къ законодательству) между прочимъ въ эпомъ журналѣ сказано: «что же касается до другихъ Славянъ (не Русскихъ); мы ихъ любимъ какъ людей, въ шой мѣрѣ, въ какой они люди; но особенной спраски къ нимъ не можемъ писать, шѣмъ болѣе, что они даже не составляютъ ни націй ни государствъ, но суть достоявіе Турковъ и Нѣмцевъ.» Далѣе: «если Турки владѣютъ значительною часшю славянскихъ племенъ, то опять-таки пошому, что Турція есть государство, каково бы оно ни было, а какіе нибудь Болгары — полудикое племя. Сила есть право а право есть сила: такъ законъ историческаго шагашнія, и если племя или народъ лишится свободы, значишь зерно его субстанціи такъ хило и дряхло, что не въ состояніи собственною силою развити до государственной формы и до самостоятельнаго значенія» (Отеч. Зап. 1841. № 10). — После эпихъ словъ не въ правѣ ли мы были сдѣлать вышеозначенное заключеніе? — Но какииъ пушемъ зашли подобныя слова въ русскую книгу? Пушемъ весьма еспешеннымъ: такъ говорятъ о Славянахъ гелершеры нѣмецкіе, а что мы въ сравненіи съ ними? Осмѣлимся ли мы пропаворѣчить шѣмъ, копорые всѣмъ нѣмецкимъ свѣшомъ признаны великими? — Справедливы ли эпни слова? Не достаеяся ли опъ имъ и намъ Русскимъ? Эшо другой вопросъ. Разсмотримъ при положенія, извлеченныя изъ словъ Отечественныя Записки: 1) любить людей надобно въ шой мѣрѣ, въ какой они люди; 2) если народъ лишится

свободы, то эшо значишь, что зерно субстанціи его хило и дряхло; 3) Болгаре — полудикое племя.

1) Человѣкъ есть чувственно-разумное существо. Сообразно съ двойственностію природы человѣческой, связи между людьми утверждающіяся на двухъ основаніяхъ: на единствѣ крови и на согласіи нравственномъ; сшихи основанія могутъ существовать и вмѣстѣ и порознь. На единствѣ крови основана любовь къ роднымъ, къ родинѣ, къ племени; у людей, неспорченныхъ ложнымъ образованіемъ, или образованныхъ нравственно—единство крови дополняется согласіемъ духовнымъ. Кроме связей кровныхъ, люди могутъ соединяиься или единствомъ образа мыслей, или чувствомъ благодарности, или уваженія, или любви и ш. д.

Нѣкошорые философы увѣряютъ, что человѣкъ, какъ разумное существо, есть космополитъ: онъ долженъ любить людей, въ шой мѣрѣ, въ какой они люди, говоря словами Отечественныхъ Записокъ; связи кровныя составляютъ цѣпи, опъ копорыхъ необходимо освободиться. Начавшись въ древней Греціи, Философія эгоизма или космополитизма, что почти одно и шже, возродилась и продолжаетъ существовать на Западѣ. Уважая ученость западную, мы не должны соглашатиь во всемъ съ нашими наставниками. Особенно нельзя согласитиь со всѣми положеніями нѣмецкой философіи, копорая обворожительна сама въ себя, но часто совершенно неприложима къ жизни дѣйствительной; причина эпого послѣдняго обстоятельства заключается въ шомъ, что правила жизни надобно извлекать изъ самой жизни, а не спрошть ихъ діалектически. — Много несправедливаго заключается въ нѣмецкихъ умствованіяхъ; одни изъ нихъ часшо пропаворѣчатъ другимъ. Укажу шолько на шо, что справедливая шепорія непрерывнаго развитія человечества находится въ прямой противоположности съ шюю жалкою ролею, копорую Нѣмцы предсавляютъ Славянамъ. Проповѣдуя гуманизмъ, философы нѣмецкіе, ослѣпленные чувствомъ народной гордости, считаютъ свое племя образцовымъ, свой умъ — умомъ всеобщимъ (объективнымъ); опносительно космополитизма, скажемъ, что человѣкъ Запада съ одной стороны, большой космополитъ: онъ уживется вездѣ и со всѣми, если нужда заставишь его эшо сдѣлать; а съ другой стороны, онъ имѣетъ убѣжденія народныя, сообразно съ копорыми онъ начнетъ

дѣйствовать сей-часъ, лишь шолько предпавишея ему возможность высказать себя. Мы во многомъ на-слово вѣримъ, Нѣмцамъ: почему же намъ не повѣришь и шому, что свой своему поневоля брать? У кого, какъ не у Нѣмцевъ вполне введена въ жизнь половица: рука руку моетъ? Нѣтъ, гг. Нѣмцы себя на умъ: насъ учать одному, а сами дѣлають другое! Правда, что и не между всѣми Нѣмцами царствуетъ любовь; но эшо до времени — въ бѣдѣ они всѣ братья! — Зная нѣмецкую философію и исторію, можешь быть больше, чѣмъ рецензентъ Ошеч. Зап., понявъ смыслъ западной учености и примѣняя его къ нашему обществу положенію, мы убѣдились въ необходимости любить Славянъ, нашихъ братьевъ по крови. Что касается до начала нашей любви, шо оно восходитъ къ шому времени, когда мы узнали, что есть народы, въ которыхъ течетъ наша же славянская кровь, что эти народы любятъ насъ и нуждаются въ помощи, что многіе изъ нихъ бѣдны и необразованы. Можно ли не любить ихъ? Даже положимъ, въ угодность Ошеч. Запискамъ, что кровныя связи ничего не значать; но вѣдь мы — Христіане! Да! мы не можемъ не любить особенно бѣдныхъ нашихъ братьевъ, если въ сердцѣ наше запало ученіе Божественнаго Учителя, повелѣващаго намъ заботиться о спраждущихъ, подавать помощь немощнымъ, утѣшать ихъ, если сами немощны, любить ихъ, если болѣе любви ничего дать не можемъ! А мы можемъ не шолько любить, но и быть полезными, особенно Славянамъ южнымъ: мы споймъ уже на шаконъ степени образованности, что можемъ взять на себя шрудъ быть ихъ наставниками.

2) Право есть сила и сила есть право, и проч. — Опять нѣмецкое умствование, шолько нѣсколько измѣненное въ пользу Руси. И печально, и изустно съ кафедръ въ Германіи говорятъ, что славянское племя не способно жить само собою, что оно есть материалъ, для обработки котораго призвано племя германское. Рецензентъ не хотѣлъ прямо высказать своей мысли; онъ сказалъ о несамостоятельныхъ славянскихъ народахъ шо, что Нѣмцы говорятъ о цѣломъ племени, къ которому и мы имѣемъ честь принадлежать. Народныя предубѣжденія всегда сильно дѣйствуютъ; Гансъ, по справедливости знаменитый юристъ-философъ, проповѣдывалъ подобныя мысли, а нѣкоторые изъ насъ — поклонили ему и за эшо.

Когда въ ученія разысканія вмѣшается выгода, какова бы она ни была, тогда — горе бѣдной логикѣ, а еще большее горе шѣмъ, которые не могутъ разрушить софизмовъ: они дѣлаются жалкими рабами ложной мысли чужой выдѣлки! »Право есть сила и сила есть право: шаконъ законъ историческаго шягошвенія.« Не вѣришь, чтобы эшопъ роскошно-нелѣпный наборъ словъ нашель себя мѣсто въ шаконъ огромномъ и почтенномъ по имени журналѣ, каковы Ошечественныя Записки. Не будемъ говорить о противорѣчии эшой фразы съ нравственно-религіозными понятіями: эшо ясно дня; посмотримъ, что-шо скажешь намъ исторія или »законъ историческаго шягошвенія.« Возьмемъ Русскую исторію, положимъ хоть 14-го вѣка. Родная наша страна спрала въ шо время подъ игомъ монгольскимъ; князья наши вымаливали въ Ордѣ свои родовые удѣлы, Русь православная плашила тяжкую дань царю невѣрному; однимъ словомъ народъ Русскій не имѣлъ свободы, а если племя или народъ лишается свободы, шо эшо значитъ, по философіи Ошеч. Зап., зерно его субстанціи шакъ хило и дряхло, что не въ состояннн собственной силою развиться до государственной формы и до самостоятельнаго значенія.« По эшому умозаключенію — Русь должна была находиться подъ игомъ монгольскимъ, подъ опасеніемъ въ прошивномъ случаѣ нарушить »законъ историческаго шягошвенія.« Къ счастью нашему эшопъ законъ не имѣетъ никакого основанія. Что всего страннѣе должно быть для Ошеч. Зап., шакъ эшо шо, что изъ »дряхлаго и хилаго зерна субстанціи« Руси возрасло царство, которому теперь удивляется весь громашннй міръ, и которое, не смотря на зависннковъ и враговъ, расцветъ и мужаетъ не по днямъ, а по часамъ! Оспановимся на эшомъ: каждый можеть приискать въ своей памяти тысячи примѣровъ подобныхъ; спросимъ шолько у Ошеч. Зап., неужели зерно субстанціи нѣмецкой во время Наполеона было шлишкомъ хило и дряхло? Жаль, что г. рецензентъ не Нѣмецъ и не находился въ шо время въ Германіи; въ прошивномъ случаѣ вѣрояшно онъ зашѣлъ бы пѣсню о совершенно другомъ законѣ, и вѣрно эша пѣсня была бы довольно складна.

3) »Болгаре племя полудикое, а Турція есть государство« Эшого рѣшительно не понимаемъ, и кажемся пошому, что здѣсь нѣтъ смысла. Сколько извѣстно людямъ громашнымъ, шо дикость Турокъ гораздо значительнѣе предпола-

гаемой Опеч. Зап. дикоспи Болгарь. Разсматривая дѣло внимательнѣе, не возможно назвать болгарское племя полудикимъ: не справедливо такъ называть народъ, который богатъ славными историческими воспоминаніями, который имѣетъ литерашуру, хотя и бѣдную, который исповѣдуешь Вѣру Хриспову, свято сохраненную имъ во времена напастн, когда приняишемъ мусульманства можно было обезопасишь себя отъ всевозможныхъ угнѣшеній. Разумѣется, такую выходку должно приписать только недоспапкку познаній, но хорошо ли, не зная броду совашься въ воду? Хорошо ли говоришь подобныя вещи Русскому, между шѣмъ, какъ Болгаре дорожатъ мнѣніемъ Русскихъ и въ соспояннн огорчнться даже словами г. рецензенина Опеч. Зап., полагая, что онъ естѣ представипель мнѣнія многихъ изъ насъ, брашшвомъ которыхъ они гордятся? Впрочемъ можно еще проспншь человѣку, который не имѣя средствъ пріобрѣсти ни малѣйшаго понншя о предметѣ и желая что нибудь сказать о немъ, занесть околѣсную. Непроспнтельно будешь г. рецензенту, если онъ не прочитаетъ книги г. Априлова, не заглянетъ въ брошюру Венелина (О зародышѣ новой болгарской литерашуры) и побойшсь упомянуть себя розысканіями Венелина о Болгарахъ!

„Денница“ раскроетъ глаза многимъ; прочитавъ ее, нельзя будетъ иногда не подуматъ о бѣдныхъ Болгарахъ. Спасибо г. Априлову за то, что онъ взялся познакомишь насъ съ народомъ, споль намъ близкимъ и такъ мало намъ извѣстнымъ. Его книга весьма любопытна и во многихъ отношеніяхъ весьма полезна; впрочемъ она, какъ и каждое дѣло рукъ человеческихъ, имѣетъ нѣкоторыя недоспапки. „Денница“ естѣ первое сочиненіе, написанное Болгариномъ съ цѣлію познать Русскихъ съ шѣмъ, что дѣлаютъ Болгаре въ пользу просвѣщенія; по-этому для оцѣнки достовѣрности данныхъ, ею сообщаемыхъ, не довольспвуясь нѣкоторыми печатными извѣстіями, мы должны были прислушивашься къ замѣчаніямъ и сужденіямъ нѣкоторыхъ Болгарь, знающихъ положеніе дѣлъ своей родины. Изъ собранныхъ нами свѣдѣній, мы знаемъ, что г. Априловъ, при всемъ своемъ спараннн изобразишь предметъ въ испинномъ видѣ, иногда дѣлать невольныя ошибки; въ нѣнхъ ошибкахъ, по всей вѣроятности, надбно обвинять корреспондентовъ его болѣе, нежели его самага. Оставивъ родину въ дѣтствѣ и только недавно вшшунувъ

въ сношенія съ нѣкоторыми болгарскими писателями, онъ долженъ былъ довольспвовашься шѣмъ, что ему сообщали. Замѣнимъ при этомъ, что сочинишель поступилъ весьма добросовѣстно и скромно, сказавъ о своемъ трудѣ: *Quid potui feci, faciant meliora potentes*. Принимая въ соображеніе эпопѣ эпиграфъ, если мы и высавимъ нѣкоторыя ошибки, то сдѣлаемъ это не для упрека г. Априлову; а для того, чтобы доставишь ему возможность избѣжашь ихъ въ будущнхъ своихъ трудахъ, которыхъ мы съ неперпннемъ ожидаемъ. Даже и самыя ошибки его заслуживаютъ благодарности: онъ далъ намъ возможность разузнатъ испину. Мы усердно просимъ его продолжатъ начатое имъ во славу своего народа; передъ нимъ лежатъ два пущи, которые ему оба доступны: одинъ пущъ — знакомишь насъ съ Болгарами, а другой — дѣйствовашь непосредспвенно въ пользу распроспраненія просвѣщенія между своими соотечеспвенниками. Какое богатое воприще предспощъ ему! Кагая пущная почва ожидаетъ добрыхъ сѣмянъ! Г. Априловъ, если онъ будетъ продолжатъ усердно дѣйствовашь, останетъся однимъ изъ первыхъ и лучшихъ сѣятелей: онъ имѣетъ средства, онъ имѣетъ возможность дѣйствовашь, онъ можетъ употребишь свои познанія ко благу своихъ едиородцевъ. Имя его и шеперь извѣстно съ хорошей споронны; оно можетъ просвѣплтъ еще болѣе, и мы отъ всей души желаемъ этого. Желая г. Априлову славы — и какой еще славы! — славы слишь свое имя съ дѣломъ просвѣщенія народнаго, желая этого, мы не можемъ удержашься отъ одного замѣчанія. Кто говоришь много о себѣ, шощъ всегда вызываетъ цѣлый рой недовольныхъ, которые по различнымъ причинамъ спараются оспориетъ справедливость его словъ, а вмѣстѣ съ шѣмъ вселютъ въ другихъ недовѣріе къ нему. Мы просимъ г. Априлова, умоляемъ его не часто употреблять соблазннтельное Я; вмѣстѣ съ шѣмъ увѣряемъ его, что слава рано или поздно увѣчиваетъ труды, предпринимаемые изъ цѣлей безкорыстныхъ.

Мы увѣрены, что г. Априловъ достойно оцѣнитъ справедливостъ нашихъ словъ и исполнишь наше желаніе, которое ему принесетъ пользы болѣе, нежели намъ. Если бы мы не знали его высокаго спремленія служишь безукоризненно для чести своего народа, то никогда не говорили бы съ нимъ подобнымъ образомъ. По этой же причинѣ, мы — благодар-

ные ему за „Денницу“ — не обвиняя выславимъ ошибки, въ ней нами открытыя.

Въ предисловіи г. Априловъ говоритъ: „цѣль сочиненія, предлагаемаго мною благосклонному взору читателя, состоитъ въ томъ; чтобы сдѣлать извѣстными начало и развитіе вновь возникающей ново-болгарской образованности, и познакомить Русскихъ съ племъ изъ племенъ славянскихъ, которое еще издревле было съ ними въ ближайшемъ родствѣ, и которое теперь, говоря вообще, споль мало имъ извѣстно. Доселѣ вниманіе русскихъ ученыхъ обращено было преимущественно на Славянъ западныхъ, пошому, можетъ быть, что, живя среди образованнѣйшихъ племенъ Европы, племена эти выказывались наблюдателю сами собою, какъ бы прошивъ его собственнѣйшей воли. Не то было съ Болгарами, народомъ, живущимъ въ отдаленіи отъ европейской цивилизаціи, у подошвы обѣихъ сторонъ Балкана, въ странѣ, лишь недавно озаренной отблесками русскихъ штыковъ, народомъ, который спраждетъ подъ всей тяжестью необразованнаго деспотизма, но который не менѣе всѣхъ прочихъ славянскихъ племенъ имѣетъ право на извѣстность. Русскіе лишь мало помалу узнавали Болгаръ, еще болѣе пошому, что сіи послѣдніе, по необразованности своей, не умѣли дать имъ должнаго понятія о себѣ. Съ другой стороны общечинніе ихъ съ народомъ Христіанскимъ, споль же злополучнымъ и угнетеннымъ, не могло дать имъ ни малѣйшаго понятія о самобытности. Греки, если и успѣвали въ чемъ-либо, если и получали возможность образовывать себя, то сіе дѣлалось собственно для нихъ самихъ. Сдѣлать что нибудь для Болгаръ они не могли, а можетъ быть и не хотѣли. Пришомъ различіе языка, нравовъ, обычаевъ и самаго вида отдалали одинъ народъ отъ другаго. Сами Болгаре, по природному чувству, склонны были проспирать руку къ своимъ братьямъ Славянамъ. Святая Вѣра укрѣпляла ихъ въ сей надеждѣ на единокровныхъ; но, отчасти, сами они не умѣли воспользоваться симъ средствомъ, отчасти же, и сами единовѣрцы мало обращали на нихъ вниманія. Впрочемъ, если разсмотрѣть внимательнѣе историческія обстоятельство, то видно, что ни того, ни другаго быть не могло. Молодому русскому ученому, Венелину, предоставлено было вывести на сцену неизвѣстное задунайское племя Славянъ и познакомить съ нимъ единовѣр-

ныхъ братьевъ. Венелинымъ сдѣланъ первый шагъ, общающій многое; но завѣтъ продолжая начатое болѣе всѣхъ лежишь на сердцахъ самыхъ Болгаръ. Они первые должны выйдти на эпо поприще; впрочемъ, къ сожалѣнію, должно сказать, что они спяшь крѣпкимъ сномъ. Если кое-гдѣ и покажется образованный Болгаринъ, то онъ, получивъ воспитаніе между Греками и напишавшись духомъ эллинизма, опспушаетъ отъ своего рода и хочетъ слышь Грекомъ, скрывая свое происхождение. Ихъ примѣру слѣдуютъ и разбогатѣвшіе купцы. Образованность и богатство, два пособія, могущія щедрою рукою пилать народность, опспелются нечувствительнымъ образомъ у народа, который, оспаваясь въ шемношѣ и нищестѣ, поминся въ невѣжествѣ. Такимъ образомъ, изъ самихъ же Болгаръ, люди жалкіе, почипая за спыдъ называшъ себя Болгарами или Славянами, были причиною того, что народность не развивалась. Должно бы побѣдить эшопъ предразсудокъ, и искоренить зло. Да позволено будетъ мнѣ дать шому первый примѣръ. Счастливъ буду я, если мои соотечественники поймутъ меня и возлюбятъ родное, національное.“ — (I—V).

Ю. И. Венелинъ имѣлъ удивительное вліяніе на пробужденіе въ Болгарахъ чувства народности; но долгъ истинны заславляеши насъ замѣшши, что и до времени появления его сочиненія, Болгаре начали уже входить въ самихъ себя. Еще въ 1806 году, епископъ врачанскій Софроній издалъ поученія на всѣ праздничные дни; вслѣдъ за нимъ хаджи Іоакимъ напечаталъ шолкованіе нѣкоторыхъ мѣсшъ Евангелія. Въ 1817 году Димитрій Филипповичъ, жипель Крапова, и Димитрій Зучура Сечищанимъ издали описаніе чудесъ Пресвятыя Богородицы. Явленіе букваря сочиненія Петра Беровича (1824 г.) усилило въ Болгарахъ желаніе учиться своему языку. Въ 1825 году Анастасъ Спояновичъ Кипиловскій напечаталъ свой переводъ (съ русскаго) сочиненія Гибнера (спо и чепыре испоріи изъ Св. Пис.); онъ также перевелъ крапкую всеобщую испорію Кайданова. — Можетъ быть мы не знаемъ всѣхъ Болгаръ, писавшихъ прежде Венелина; но и означенныхъ нами имянъ доспапочно для того, чтобы узнать, что Болгаре до Венелина сочувствовали народности, и что г. Априловъ не первый даетъ примѣръ, называя себя открито Болгариномъ. Можно завидовать г. Априлову: судьба не судила ему быть первымъ по количеству, но дала средства быть однимъ

изъ первыхъ по качеству, предославивъ впрочемъ ему и право сдѣлать, послѣ Венелина, первый шагъ для ознакомленія Русскихъ съ Болгарами. Онъ съ благодарностію воспользовался этимъ правомъ и — вопль передъ нами „Деница.“

„Деница“ состоить изъ двухъ отдѣленій; 67 примѣчаній заключающъ въ себѣ поясненія на нѣкоторыя выраженія текста, — къ этимъ примѣчаніямъ сдѣланы еще дополненія.

Первое отдѣленіе посвящено обзорной нѣкоторыхъ важныхъ событій болгарской исторіи до покоренія Болгаръ Османами. Г. Априловъ обращаетъ свое вниманіе преимущественно на тѣ происшествія, которыя или способствовали болгарской письменности, или уничтожили ее. Замѣчательно, что Греки употребляли всѣ возможные усилія для того, чтобы огречить Болгаръ. Относительно составленія Кириловской азбуки, сочинитель „Деницы“ повсюду здѣсь тѣже мнѣнія, которыя высказалъ въ своей брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Болгарскіе книжники.“ — Во второмъ отдѣленіи описываются судьбы Болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ. Горько было положеніе ихъ: огромными суммами они покупали право отправлять Богослуженіе; правительство запрещало заводитъ училища, и народъ, жаждущій познанія, долженъ былъ довольствоваться наставленіями малосвѣдущихъ священниковъ. Греки продолжали быть врагами всего болгарскаго; они старались ввести греческую азбуку, успавивши отправленіе Богослуженія на языкъ греческомъ. Въ слѣдствіе ихъ происковъ и ласкательствъ, городскіе Болгаре осперяли отъ народности и называли себя Греками; надобно впрочемъ сказать, что однихъ только происковъ Грековъ было бы для этого недостаточно: имъ помогали два обстоятельство: 1) они были образованнѣе Болгаръ, и 2) бѣдные, безчиновные Болгаре не пользовались никакимъ уваженіемъ.

По нашему мнѣнію, основанному на разсказахъ Болгаръ, была еще претрѣя причина, не допускавшая возрасти и расплодиться болгарской образованности. Ужасно было положеніе подданныхъ Турціи, когда Кирджели во время Селима (1780 — 1802 г.) безнаказанно производили кровавые грабежи свои. Вѣроятно, много драгоценныхъ рукописей погибло въ монастыряхъ и церквахъ, преданныхъ огню и разрушенію этими свирѣпыми разбойниками. Мирные жители, едва спасая жизнь свою, не могли и думать о просвѣщеніи. —

(Къ этому времени относясь переселенія многихъ Болгаръ въ Россію, Молдавію и Валахію). — Въ заключеніи должно обратитъ вниманіе и на тѣ гибельныя слѣдствія, которыя имѣла на Болгаръ греческая революція; Болгаре много пострадали за Грековъ: при самомъ началѣ революціи Турки рѣзали и вѣшали тѣхъ именитыхъ Болгаръ, которые имѣли вліяніе на народъ, и вообще вымещали на Болгарахъ неудачи, претерпѣваемыя ими въ дѣлахъ съ Греками.

Но не смотря на всѣ эти бѣдствія, которыя повидимому должны были испребитъ въ Болгарахъ и народность и любознательность, — пламя любви къ своему племени горѣло ярко и никогда не погасла искра привязанности къ знанію. — Въ годину испытаній, ниспосланныхъ небомъ для укрѣпленія силъ славнаго народа славянскаго, между Болгарами никогда не умирала любовь къ письменности. Въ монастыряхъ благочестивые иноки занимались переводами (съ языковъ церковнаго и греческаго на ново-болгарскій языкъ) жизнеописаній святыхъ и словъ поучительныхъ. Такіе переводы въ рукописяхъ распространялись по всей землѣ болгарской, и несчастные Болгаре находили въ нихъ утѣшеніе: слушая сказанія о спраданіяхъ угодниковъ или заповѣдъ Христову — съ терпѣніемъ нести крестъ свой, они забывали тяжесть своихъ спраданій. Подобныя рукописи переходили изъ рукъ въ руки; число ихъ безпрестанно увеличивалось: каждый учащійся переписывалъ для упражненія въ чтеніи одну или нѣсколько изъ нихъ. Мы имѣли случай видѣть одну изъ такихъ рукописей; въ ней заключалось описаніе мытарствъ и нѣсколько назидательныхъ словъ.

При помощи русскаго оружія, угнетенія Болгаръ уменьшались. Махмудъ II-й, возмѣвши мысль преобразовать свое государство, очень снисходительно смотрѣлъ на Гяуровъ; онъ говорилъ даже, что между своими подданными не полагаетъ никакого различія. Въ слѣдствіе этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Болгаре начали оправляться; первымъ дѣломъ, на которое они обратили вниманіе, было заведеніе училищъ.

Объясняя уобразование училищъ, г. Априловъ представляетъ дѣло несовершенно согласно съ тѣми данными, которыя мы успѣли собрать отъ другихъ Болгаръ. По его словамъ, онъ подалъ первую мысль о заведеніи правильнаго училища; описывая открытіе училища въ Габровѣ, онъ говоритъ,

что это училище было первым учебным заведением болгарским, и въ заключеніи восклицаетъ: «будущіе липераторы съ благодарностію будутъ опзывать о первомъ заведеніи,» и указывая на Габрово, говоритъ: «вошь колыбель нашей липературы.» — Посмотримъ шакъ ли эшо? По сказаніямъ Болгарь, прежде открытій габровскаго училища, существовали уже учебныя заведенія (школы, какъ называютъ ихъ Болгаре: въ Самоковѣ, Врашчѣ, Сищовѣ, Копривщицѣ и въ нѣкопгорыхъ другихъ мѣстахъ, копорья, замѣшимъ между прочимъ, пользуются у Болгарь лучшею извѣстностію, чѣмъ Габрово. Спало-бышь габровское училище не первое по времени образованія. Правда, что оно первое начало употреблять таблицы взаимнаго обученія; въ эшомъ отношеніи ему и честь и слава, но во всякомъ случаѣ оно шолько приняло лучшую методу ученія въ шо время, когда уже другія училища существовали прежде него. — Нельзя назвать Габрово колыбелью болгарской липературы: а) до времени его учрежденія было издано нѣсколько книгъ на языкѣ болгарскомъ; б) если г. Априловъ даетъ Габрову значеніе колыбели, потому, что О. Неофитъ, бывшій училемъ въ Габровѣ, написалъ болгарскую граммашку, шо замѣшимъ ему, что граммашка О. Неофита должна бышь соспавлена имъ прежде, чѣмъ онъ былъ приглашенъ къ заняшю училельской должности въ Габровѣ. Говоря эшо, мы основываемся на словахъ нѣкопгорыхъ Болгарь, копорые увѣряли насъ, что О. Неофитъ преподавалъ болгарскую граммашку, находясь еще въ Самоковѣ. Въ пользу шого, что граммашка была соспавлена О. Неофитомъ прежде его пребыванія въ Бухарестѣ, говоритъ и шо обстоятельство, что въ девять мѣсяцевъ, копорые онъ провелъ въ эшомъ городѣ, по нашему мнѣнію, составишь граммашку невозможно — Мы согласны шолько въ томъ, что габровское училище можетъ принести много пользы Болгарамъ; но — эшо покажетъ намъ время; до сихъ же поръ, работало не училище, а О. Неофитъ. Мы не понимаемъ, для чего преувеличивать вещь, когда она хороша и сама по себѣ; здѣсь дурной расчетъ. Намъ было бы очень пріятно говоритъ объ участіи гг. Априлова и Палаузова въ дѣлѣ образованія габровскаго училища, объ участіи, копорое заслуживаетъ признашельности всѣхъ людей благомыслящихъ; а преувеличеніе дѣла г. Априлова заставило насъ говоритъ прощивъ него и не въ его пользу. Воздаешся каждому должное!

Мы весьма понимаемъ увлеченіе г. Априлова въ пользу габровскаго училища; оно — его дѣшше, а какой ошець не любить своего творенія? Въ эшомъ отношеніи онъ заслуживаетъ признашельности; заботливостъ его достойна всякой похвалы. Но мы — хладнокровные зрители — почитаемъ обязанностію оспанавливать его въ томъ случаѣ, когда любовь заводишь его слишкомъ далеко. До сихъ поръ габровскому училищу Болгаре обязаны — изданіемъ таблицъ взаимнаго обученія, копорья переведены на болгарскій языкъ съ русскаго, граммашки О. Неофита и правилъ числописанія. Прочія болгарскія книги издавались не для училища, какъ говоритъ г. Априловъ, и не на его счетъ; а для всѣхъ Болгарь насчетъ или самихъ сочинителей, или насчетъ благошворителей, между копорыми замѣшимъ бухарестскаго жишеля Иоанна Анпоновича.

Изъявляя свои надежды, что скоро будутъ напечатаны нѣкопгорые труды болгарскихъ писателей, г. Априловъ упоминаетъ о нѣкопгорыхъ изъ шѣхъ книгъ, кои теперь уже изданы. Жаль, что онъ не сдѣлалъ полнаго обзора книгъ болгарскихъ; впрочемъ онъ обѣщаетъ сдѣлать эшо въ послѣдствіи времени.

Болгаре еще не богаты книгами; всѣхъ ихъ около 30 шт. Между писателями первое мѣсто занимаетъ іеромонахъ рылоскаго монастыря Неофитъ. О. Неофиту Болгаре обязаны переводомъ Новаго Заветъа на ново-болгарскій языкъ и составленіемъ болгарской граммашки, до сихъ поръ лучшей, хотя и несовершенной.

Переводъ Новаго Заветъа на болгарскій языкъ былъ предпринятъ О. Неофитомъ по предложенію Лондонскаго Библейскаго Общества и изданъ въ Смирнѣ въ 1840 году на шждивеніи эшого же Общества. Г. Априловъ приписываетъ изданіе перевода О. Неофита Обществу Американскому; но онъ ошибся, что легко доказать опчетомъ Лондонскаго Библейскаго Общества за 1840 годъ (*). Переводъ О. Неофита

(*) The thirty-sixth report of the British and foreign bible Society M. DCCC. XL, London. — Изъ сего-шо отчета мы узнаемъ, что дѣло о переводѣ Евангелія поручено смирнскому агенту Общества Баркеру (Barker). Въ немъ между прочимъ сказано: „Your Committee have much pleasure in stating, that the printing of the Bulgarian New Testament has lately been completed at Smyrna by which measure another of the provinces of Eastern Europe has been furnished with the scriptures in the vernacular tongue.“ —

надѣлалъ много шуму; царь-градскій синодъ запрешилъ чтенія его къ крайнему сожалѣнію Болгаръ, копорые съ большою жадностію перечисывали Евангеліе на своемъ языкѣ. — Весьма справедливо замѣнилъ г. Априловъ, что О. Неофитъ оказалъ бы большую услугу болгарскому языку, если бы вмѣсто шу-рецкихъ и греческихъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе между Болгарами, употреблялъ слова языка церковнаго. Прибавимъ къ этому, что О. Неофитъ иногда употреблялъ иноспранныя слова для выраженія шѣхъ предметовъ, для копорыхъ существующъ слова и въ языкѣ болгарскомъ; шакъ напр. въ Евангеліи опъ Луки (гл. 8 я сп. 19) онъ написалъ харашувашъ вмѣсто гогорашъ, (сп. 48) гемія вм. корабъ, (гл. 9, сп. 12) аршисадилше вм. оспаналише, (гл. 14, сп. 5) бунаръ вм. кладинецъ и многія другія. — Что касается до замѣчанія г. Априлова относительно члена и часпи *се*, то объ этомъ, по нашему мнѣнію, надобно было бы или говорить много, или вовсе умолчашъ. Послѣ шого какъ Венелинъ объявилъ себя противъ члена, приверженцы его должны доказашъ необходимость его существованія, а пока можно еще въ ней сомнѣвашся. Сочинитель „Денницы“ признаешъ церковный языкъ болгарскимъ, — пусть же онъ объяснишъ, опъ чего болгарскій языкъ прежде не имѣлъ члена, а шеперь имѣешъ? Онъ долженъ былъ обратишъ вниманіе на мнѣніе Венелина о причинѣ уничтоженія измѣненія въ окончаніяхъ по падежамъ. Не худо, если бы онъ взялъ на себя обязанность раскрышъ намъ причины, по копорымъ болгарскіе писатели употребляютъ членъ въ различныхъ формахъ. — Венелинъ сказалъ, что Болгаре возвели въ достоинство члена частіцу *атъ*, копорую просшой народъ привыкъ употребляшъ. Простой народъ Русской дѣлаешъ то же самое, и если бы сосшавители нашихъ первыхъ грамматикъ не знали церковнаго языка и увлеклись бы формами какого-нибудь другаго языка, имѣющаго членъ, то по всей вѣроятности они опыскали бы членъ въ русскомъ языкѣ. Въ проспонародіи говоришся: человекъ-ашъ, изба-ша, дѣло-то; чего же боль? — Ешъ и у насъ членъ всѣхъ прехъ родовъ! Кажешся употребленіе *ата* можно объяснитьшъ шѣмъ, что русскій здравый смыслъ засшавляетъ помѣщашъ указательное мѣстоименіе не передъ понятіемъ, къ копорому оно относится, а послѣ него. Гораздо естественнѣе говоришъ *домъ этотъ*, нежели *этотъ домъ*, пошому

что слово *домъ*, отдѣльно взяное, имѣешъ опредѣленное значеніе, а слово *этотъ*, произнесенное отдѣльно, ничего не значишъ; мѣстоименіе *этотъ* ешъ дополненіе или опредѣленіе понятія *домъ*, а главное ешественно должно предшествовашъ добавочному или опредѣляющему. Изъ мѣстоименія *этотъ* въ сокращеніи сдѣлался *атъ*, сохранивъ характеръ указательнаго мѣстоименія, согласно съ здравымъ смысломъ поставляемаго позади. — Если бы судьба поставила нашъ языкъ въ шакое положеніе, въ копоромъ находишся шеперь болгарскій, то вѣроятно и мы изъ *ата* сдѣлали бы членъ, а пошомъ увлекшись какимъ нисудъ языкомъ чужеземнымъ, можешъ бышъ, вмѣсто *ата*, приняли бы другое слово. Спранно, а справедливо, что нынѣ болгарскій языкъ имѣешъ не одинъ членъ, но цѣлыхъ восемь, изъ копорыхъ каждый имѣешъ свихъ ревностныхъ защитниковъ. О. Неофитъ высчишываетъ шѣ формы, въ копорыхъ Болгаре употребляютъ членъ; онъ сушъ: *о*, *отъ*, *а*, *атъ*, *е*, *етъ*, *я*, *ятъ*, — самъ онъ, предполагая, что Болгаре заимсповали членъ опъ Грековъ, употребляетъ *о*. — Мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы болгарскій языкъ имѣлъ членъ, и думаемъ, что существованіе его учреждено болгарскими писателями, копорые спарались данъ своему языку форму языка греческаго, имъ знакомаго, и нашедши въ своемъ языкѣ непоняное для нихъ *атъ*, не обвиняшъ приняли его за членъ. — Впрочемъ можешъ бышъ время и новыя данныя засшавяшъ насъ перемѣнишъ свое мнѣніе; кшати замѣшимъ, что мы скоро ожидаемъ разсужденія объ этомъ предметѣ опъ одного Болгарина, копорое посшараемъ сдѣлашъ извѣстнымъ свѣту. — Не угодно ли будетъ г. Априлову изложишъ шѣ причины, на основаніи копорыхъ онъ безусловно вѣришъ члену? Надобно же наконецъ узнашъ въ чемъ состоишъ дѣло.

Сдѣлавъ справедливыя замѣчанія О. Неофиту на счетъ невѣрности принятаго имъ правописанія, г. Априловъ дѣлаешъ свои замѣчанія на нѣкошорыя болгарскія сочиненія. Остановимся на его приговорѣ Райну Поповичу. Г. Априловъ нападъ на Райно за грекоманію, копорая выразилась, а) въ томъ, что Райно совѣшуешъ первоначально учиться греческому языку и б) въ томъ, что употребляетъ много греческихъ словъ и оборотовъ. Грекоманія досшойна посмѣянія, — въ этомъ мы совершенно согласны съ г. Априловымъ; по счи-

паемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту Райна. О необходимости начинать ученіе съ греческаго языка Райно говоришь изъ желанія бытъ полезнымъ, сколько возможно, сородичамъ; зная первоначально греческій языкъ, онъ посредствомъ сравненія Св. Писанія на греческомъ языкѣ съ Св. Писаніемъ на языкѣ церковномъ, изучилъ эпошъ послѣдній, и ошибочно, но добросовѣстно, частный случай возвелъ въ общее правило. Его надобно разувѣришь, а не бранишь. — Что же касается до грецизмовъ, которыхъ много въ сочиненіи Райно, то не онъ первый, не онъ послѣдній. При эпошъ случаѣ сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе: Болгарскій письменный языкъ еще не окрѣпъ въ своихъ формахъ по весьма естественной причинѣ: — многіе ли пишутъ по болгарски? Имѣютъ ли Болгаре писателей замѣчательныхъ? — Поэтому болгарскіе писатели необходимо увлекаются по шѣмъ, по другимъ языкомъ; особенно эпо увлеченіе замѣтно въ переводахъ. Тѣ изъ Болгаръ, которые знакомы съ языкомъ греческимъ, употребляютъ пропасть греческихъ словъ и оборотовъ; — къ числу ихъ принадлежатъ и Райно; — впрочемъ предисловіе его написано гораздо лучшимъ болгарскимъ языкомъ, чѣмъ самая книга: первое писалъ онъ самъ, а послѣднее перевелъ съ греческаго. О. Пеовишь принялъ за образецъ языкъ церковный, кирилловскій, а въ своихъ переводахъ съ русскаго употребляетъ часто обороты русскіе. Да чпобъ далеко не ходишь, замѣшимъ г. Априлову, что и онъ въ своемъ переводѣ болгарскихъ книжниковъ употребляетъ слова русскія и шурецкія, между шѣмъ какъ въ болгарскомъ языкѣ есть слова равнозначущія; шакъ напр. (стр. 3) *изобрѣтоха* вм. *измыслиха*, (стр. 4) *полугили* вм. *пріали*, (стр. 3) *земляци* вм. *соотечественницы*, *толко* вм. *толко* или *само* (шолко по болгарски значить шолько), (стр. 7) *обширно то знаніе* вм. *широко то знаніе*, или *глубоко то знаніе*, (стр. 8) *уйдиствать* (шурецкое слово) вм. *приичать*, (стр. 10). *обрѣтоха* вм. *спечилиха* и многія другія. — Что касается собственно до г. Райно, то не должно забывать, что ученики его занимаютъ учительскія мѣста въ Габровѣ, Калоферѣ, Карловѣ, Рушукѣ, Сопотѣ; изъ эпошъ обстоятельствъ ясно видно, что онъ не вредно дѣйствуетъ на просвѣщеніе болгарское. Очень любопытныя извѣстія, сообщаемыя г. Априловымъ объ училищахъ, основанныхъ Болгарами. Надобно опдандъ

ему полную справедливость въ пошъ, что онъ хотѣлъ насъ ознакомишь со всеми подробностями обстоятельство, соединенныхъ съ дѣломъ возрожденія образованности болгарской. Онъ сообщил имена шѣхъ, которые принимаютъ живое участіе въ эпошъ дѣлѣ; эти имена, по всей справедливости, должны бытъ извѣстны современникамъ, сохранены для пошомства и внесены въ дѣлони просвѣщенія. Намъ Русскимъ пріятно узнать, что между подданными нашего Царя Православнаго находящаго дѣлительные ревнители болгарскаго просвѣщенія. Мы не можемъ себѣ опказать въ удовольствіи выписать имена шѣхъ Болгаръ, которыхъ судьба перенесла въ Россію и которые, сдѣлавшись въ душѣ Русскими, не позабывая своей родины, заботятся о благѣ своего народа. Гг. Палацневъ и Априловъ много способствовали къ учрежденію училища въ Габровѣ; гг. Ташковъ, Мухеевъ и Ташковичъ принимаютъ большое участіе въ судьбѣ училища калоферскаго. Все они пламенно любятъ свою родину и готовы служить ей по мѣрѣ возможности. Уважая вполне ихъ безкорыстную и высокую привязанность къ своему роду и племени, благодаря ихъ во имя человечества за то добро, которое они дѣлаютъ своимъ обращеніемъ, мы выскажемъ имъ одно наше желаніе. Сколько можно замѣтивъ, готовые на пожертвованія въ пользу своего народа, они не имѣютъ ни общаго плана для своихъ дѣйствій, ни взаимно-дружескихъ связей; по эпому иногда благое начинаніе замираетъ въ зародышѣ, иногда резулшпашъ добрыхъ стремленій не шакъ плодотворент. Общими силами дѣйствовать легче и благошворнѣе: дѣйствуйте не каждый опъ своего имени, а во имя людей, жаждущихъ видѣть возрожденіе образованности между Болгарами и, повѣрьте, ваши шруды увѣнчаются несравненно большимъ успѣхомъ! Не забывайте, что въ болгарскихъ земляхъ есть много людей, расположенныхъ доставлять Болгарамъ средства къ ихъ образованію, но не знающихъ чпѣ имъ должно предпринимать для эпошъ; дайте имъ совѣтъ, укажите имъ на Россію, которая должна бытъ для нихъ обшпованною землею, совѣщуйте имъ присылать къ намъ юношей для пріобрѣтенія познаній.... О! горячо должно биться болгарское сердце при имени Россіи! Болгаре выйдутъ изъ состоянія невѣжества, и эпимъ будутъ обязаны великому Царству Русскому, которое никогда не опказываетъ благошворишь не шолько чшо друзьямъ, но даже и врагамъ своимъ. Въ наше

время Болгаре ясно видяшь гошовность Россіи «пишашъ ихъ пицей силъ духовныхъ»; да и какъ не видашь эпого послѣ того какъ по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе ходапашисва графа М. С. Воронцова, четверо Болгаръ воспитывающися въ одесской семинаріи на казенный счетъ (*)?

Между Болгарами — подданными Турціи — замѣшны и любовь къ знанію и желаніе богашыхъ старашся доставлять средства бѣднымъ къ просвѣщенію; въ эпомъ послѣднемъ опношеніи заслуживаетъ полнаго уваженія семейство гг. Челиковыхъ или Челиковичей, какъ называетъ ихъ г. Априловъ (они живутъ въ Филиппополѣ). Болгаре бухарестскіе также много заботяшся о просвѣщеніи; имена гг. Мустаковыхъ и Иоанна Аншоновича очень извѣстны всѣмъ шѣмъ, кошорые слѣдятъ за ходомъ возрожденія болгарской письменности. Чшобы оцѣнить вполнѣ важность заслугъ лицъ, нами упомянушыхъ, надобно сообразить всѣ шѣ препятствія, кошорья они должны встрѣчашъ на каждомъ шагу; впрочемъ, повшоримъ еще разъ — препятствія были бы не такъ значительны, если бы всѣ Болгаре-благошворители дѣйствовали по общему плану, общими средствами. Къ сожалѣнію, мы знаемъ, чшо почти каждый изъ нихъ дѣйствуетъ опдѣльно, не зная о шомъ, чшо дѣлають другіе, и никогда не прибѣгая къ совѣцу лицъ постороннихъ. — Разсмапривая шѣ мѣры, кошорья предпринимаются для распространенія просвѣщенія между Болгарами, мы были поражены одною изъ нихъ. Для опклоненія опущительнаго недостатка въ учителяхъ, вздумали посылать молодыхъ людей въ Аѣины, съ шѣмъ, чшобы они воспитавшися въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ заняли мѣста наставниковъ въ училищахъ болгарскихъ. Не лучше ли обратиться къ Россіи? Не опрадите ли принимашъ благіе дары опъ своихъ соплеменниковъ? Пусть вспомняшъ, чшо Русскіе принимаютъ Болгаръ, какъ братьевъ; а Греки расположены шолько къ шѣмъ изъ нихъ, кошорые соглашаются называшся Греками. Вѣроятно, не одинъ шолько шомъ Болгаринъ, кошорый рассказывалъ намъ о своей жизни въ Аѣнахъ, подвергался неприятностямъ за шо, чшо учился

русскому языку; а легко поняшъ, чшо для Болгарина изученіе языка русскаго и полезнѣе, и благошворнѣе, и опрадите, чѣмъ изученіе языка греческаго...

Впрочемъ всему ешъ пора. До нынѣшняго времени Болгаре какъ будшо были позабышы Русскими, и съ своей стороны не знали, чшо дѣлается на Руси, не понимали, чшо наука русская для нихъ должна быть очень пишательна; по эпому за образцовъ принимали они корешко знакомыхъ Грековъ. Теперь общешельства перемѣнились и мы ради кормимъ ихъ хлѣбомъ-солью!

Стремленіе Болгаръ къ пріобрѣшенію познаній никогда совершенно не умирало: во времена ужасныхъ угнетеній Болгаре не забывали ученія. Грамотные люди, преимущественно священники, за малую плату принимали къ себѣ учениковъ и составляли такимъ образомъ училища, кошорья извѣстны подъ именемъ *келлий*; ученіе келейное ограничивалось чпеніемъ книгъ Св. Писанія. Въ послѣдствіи времени мало по малу начали основывашся школы высшаго разряда. Первоначально онѣ были совершенно греческія, чшо было слѣдствіемъ необходимости: не было людей, знающихъ языкъ болгарскій, не было граммашики, не было вообще книгъ на эпомъ языкѣ; не кому и не почему было учить по болгарски. Изъ эпоихъ греческихъ училищъ замѣчашельно карловское. Напрасно г. Априловъ сильно укоряетъ Карловцевъ въ недостаткѣ чувствва любви къ народности. Ученіе въ греческой школѣ не ослабило въ нихъ благородной любви къ родному, доказательствомъ чему служишъ шо обстоятельство, чшо воспитанники эпой школы, пріобрѣшя первыя познанія подъ руководствомъ г. Райно Поновича и познакомая попомъ съ методою взаимнаго обученія, занимають шеперь учительскія мѣста въ болгарскихъ школахъ, объ чемъ мы уже имѣли случай говорить выше. — Наконецъ, съ помощію Божіею, Болгаре принялись за родную грамоту; начали появляшся училища собшвенно болгарскія, самоковское, въ кошоромъ О. Неофитъ былъ учителемъ; сищовское, въ кошоромъ преподавалъ г. Хриспакъ Павловичъ, врачанское, копривещское; можетъ быть были и другія, но мы объ нихъ ничего не слыхали. — Болгарская граммашика О. Неофита была напечатана въ 1835 году на счетъ габровскаго училища; на эпомъ же году архимандритъ Неофитъ и Еммануилъ Васкидовичъ издали свою граммашику (въ энциклопедическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ:

(*) Замѣшимъ, чшо въ книгѣ г. Априлова дѣло о позволеніи воспитывашся въ семинаріи Болгарамъ изложено очень неясно; можно подумашъ, чшо эпо позволеніе дано шолько Габровцамъ, между шѣмъ какъ избраніе учениковъ предоспавлено гг. Априлову, Мустеву и Тошковицу вообще изъ Болгаръ, гошовящихся ко вступленію въ священство.

Славяно-Болгарско дѣшоводство за-малка дѣца); въ 1836 году издалъ свою граммашику г. Хриспаки Павловичъ (Дупличанинъ). — Въ нынѣшнее время существуетъ около 20 училищъ болгарскихъ; изъ нихъ обратимъ вниманіе на училище габровское, которое въ дѣшописяхъ болгарскаго просвѣщенія замѣчательно тѣмъ, что въ немъ въ первый разъ введена мѣтода взаимнаго обученія. Опредѣливъ такимъ образомъ степень важности габровскаго училища, обращаясь къ сочиненію г. Априлова. Пусть онъ опровергаетъ тѣ данныя, которыя мы изложили, и тогда мы согласимся съ тѣмъ, что габровское училище было первымъ учебнымъ заведеніемъ болгарскимъ; мы хотимъ знать истину.

Г. Априловъ описываетъ 12 училищъ, начиная съ габровскаго. Эти училища суть:

1) Габровское. Оно основано въ 1835 году и содержится пожертвованіями гг. Палаузова, Априлова, Мускаповыхъ, Бакалоглу, покойнаго Іовчева и временными взносами многихъ другихъ Болгаръ. Это училище счастливо тѣмъ, что графъ М. С. Воронцовъ и преосвященный архіепископъ херсонскій и шавричскій Гавріилъ, приняли на себя званіе попечителей его.

2) Капривщицкое училище существуетъ не съ 1837 года, какъ пишетъ г. Априловъ, а еще съ 20-хъ годовъ; въ 1836 году введена въ немъ мѣтода взаимнаго обученія. Существованіемъ своимъ это училище обязано Вулку великому Челикову (*). Учитель этой школы г. Круша не посланъ въ Капривщицу О. Неофитомъ, какъ говоритъ г. Априловъ; дѣло въ чемъ: г. Челиковъ его посылалъ въ Габровъ для знакомства съ мѣтодою взаимнаго обученія; по достиженіи этой цѣли г. Круша возвратился въ Капривщицу.

3) Училище въ Панагюрищѣ преобразовано въ 1839 году. Оно содержится на общественный счетъ.

4) Септское училище существуетъ съ 1838 года; содержится на общественный счетъ. Это училище многимъ обязано митрополиту Никифору, родомъ Греку, намѣстникамъ его Кириллу и Иерониму (оба они уроженцы септскіе), и г. Вулку Челикову.

5) Болгарское училище въ Карловѣ было открыто въ 1837 году; попомъ оно закрылось по неимѣнію учителя и пошому, какъ говоритъ г. Априловъ, что «грекоманія бе-

(*) Вулковъ Челиковыхъ двое; для различія одинъ называется малымъ, а другой великимъ.

реть въ Карловѣ верхъ.» — Впрочемъ по свидѣльству г. Райна Поповича, съ 1840 года оно возстановлено.

6) Трявновское училище есть «великолѣпное зданіе,» въ которомъ нѣтъ ни учениковъ, ни учителей. Покойный Николай Трявнянинъ завѣщалъ свое имѣніе на учрежденіе училища въ Трявнѣ, своей родинѣ, но его душеприкащикъ г. Сапуновъ не спѣшилъ выполнить волю умершаго благотворителя.

7) Училище въ Казанлыкѣ открыто 1837 года и содержится на общественный счетъ. Очень замѣчательно, что градоначальникъ Казанлыка — Турокъ Капиджи Баши Меметъ-Али, сдѣлалъ пожертвованія въ пользу училища; замѣтимъ вообще, что въ наше время Турки не отказываются въ расположеніи къ Христіанамъ. — Г. Киригло, житель Казанлыка, значительными пожертвованіями принесъ большую пользу училищу; г. Априловъ говоритъ, что онъ вызвалъ его къ этимъ пожертвованіямъ.

8) Сицкое училище. По словамъ г. Априлова, болгарская школа въ Сицовѣ учреждена въ 1840 году, на сумму завѣщанію на эпипъ предметъ П. Х. Ангеловымъ, однимъ изъ уроженцевъ сицкихъ. Намъ сообщили извѣстіе, что съ 1830 года, въ Сицовѣ существовало училище грекоболгарское. Въ пользу училища другой Сицовецъ П. Димитриевъ завѣщалъ 50 тыс. левовъ; не извѣстно, какъ поступилъ его душеприкащикъ.

9) Терновское училище. Г. Априловъ пишетъ, что въ Терновѣ царствуетъ грекоманія, — что между прочимъ доказывается и тѣмъ, что терновское училище содержится только однимъ Габровцемъ П. Х. Христовымъ. Будемъ надѣяться, что Терновцы одумаются и не опшпанутъ опъ своихъ любородныхъ собратій!

10) Калоферское училище основано въ 1840 году. Первое начало ему положено одесскими Болгарами, уроженцами Калофера. Гг. Мумевъ, Тошковичъ и Тошковъ приняли ревностное участіе въ дѣлѣ учрежденія его; первая мысль объ основаніи этого училища подана г. Априловымъ. Печаль калоферскаго училища представляетъ не пѣсуха, какъ говоритъ г. Априловъ, а пчелу.

11) Софійское училище обязано своимъ существованіемъ митрополиту Мелетію, который содержитъ на свой счетъ учителя. Вѣроятно скоро жители Софійи, хотя изъ самолюбія, примутъ содержаніе училища на свой счетъ.

12) Копелдское училище основывается на общественный счетъ.

Такимъ образомъ у г. Априлова описано 10 училищъ существующихъ и 2 приготавлиющихся къ существованію. Описанія г. Априлова весьма любопытны; есть нѣкоторыя невѣрности, часпъ которыхъ мы показали, — но это не лишаетъ цѣны труда г. Априлова, и мы очень благодарны ему за сообщенныя имъ свѣдѣнія. Кромѣ описанныхъ въ «Денницѣ» училищъ, по послѣднимъ извѣстіямъ — открыты школы въ Базарджикѣ, въ Шумлѣ, Рущукѣ и Пардонѣ; при всеобщемъ стремленіи къ просвѣщенію, замѣчаемомъ въ Болгарахъ, можно надѣяться, что шеперь учреждены училища и въ другихъ городахъ. — Можно завидовать шѣмъ Болгарамъ, которые имѣютъ средства — или деньгами, или познаніями быть полезными своему народу; они полагаютъ основаніе болгарской письменности, а имена основателей никогда не упряютъ! Мало еще сдѣлано, но съ помощію Божіею и съ доброю волею дѣлашелей — дѣло будетъ расшпи не по днямъ, а по часамъ!

Въ концѣ своей книги г. Априловъ укоряетъ Болгаръ въ грекоманіи, — мы поговоримъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ; далѣе говоритъ онъ о томъ, какъ правильно писатъ: Болгаринъ, — Булгаринъ или Балгаринъ, — онъ предпочитаетъ послѣднее, потому что по болгарски послѣ б спавится юсъ, который произносится какъ швердое а; наконецъ онъ говоритъ о производствѣ слова Болгаринъ и славянизмъ Болгаръ. Вѣроятно только немногіе изъ нашихъ чпшателей знаютъ, что въ болгарскихъ пѣсняхъ раздаются имена славянскихъ боговъ: Перуна, Леля, Лада и Коляды? Послѣ Венелина спрашно спорить о томъ, кто были Болгаре; но очень любопышно узнать эпотъ славянской народъ, о которомъ носились еще самые темные слухи

Имѣя возможность изъ рассказовъ познакомиться съ образомъ жизни, обычаями, нравами и повѣрчьями Болгаръ, мы удивляемся сходству ихъ съ Русскими. У насъ въ рукахъ находится нѣсколько замѣтокъ о жизни Болгаръ, замѣтокъ, составленныхъ однимъ Болгариномъ, который обѣщаль намъ доставить цѣлый рядъ спашей, имѣющихъ предметомъ описаніе болгарской жизни. Основываясь на эптомъ обѣщаніи, мы надѣемся, что Русскіе скоро покороче познакомятся съ своими братьями Болгарами и увидятъ въ ихъ жизни отраженія своей собственной. — Богашую жашву предсавляющъ

пѣсни болгарскія; порадуемъ любителей и науки и жизни извѣстїемъ, что есть уже два собранія эпшихъ пѣсень, одно изъ которыхъ принадлежитъ г. Априлову, собирающемуся скорѣ издашь свое собраніе. Г. Пропоповъ, который такъ хорошо передалъ намъ нѣсколько пѣсень Греческихъ, занимается шеперь переводомъ болгарскихъ пѣсень; за эпотъ трудъ мы ему будемъ много одолжены.

Примѣчанія къ «Денницѣ» доставляютъ богатое количество данныхъ относительно географіи и спашистики земель, обитаемыхъ Болгарами. Здѣсь описаны: Месемврія, Анхїалъ, Созополь, Солунъ (Фессалоники), Ахрида, Габрово, Копривщица, Нанагюришпа, Сопотъ, Карлово, Трявна, Казанлыкъ, Спшовъ, Калочерь, Копела, Сливны, Ямболъ, Филиппополь, Андрианополь, Терновъ. Описаніе всѣхъ эпшихъ городовъ и мѣстечекъ г. Априловымъ сдѣлано часпїю по книгамъ, часпїю по собраннымъ имъ самимъ свѣдѣніямъ опытныхъ Болгаръ, которые бывали въ эпшихъ мѣстахъ; такихъ подробныхъ описаній мы не имѣли прежде. Вѣрны ли свѣдѣнія сообщаемыя «Денницею»? Повѣрчять ихъ довольно трудно, потому, что повѣрку можно производить только посредствомъ другихъ слуховъ же. По шѣмъ свѣдѣніямъ, которые дошли до насъ, г. Априловъ не избѣжалъ ошибокъ, что впрочемъ въ первомъ трудѣ почти необходимо. Такъ напримѣръ Габрово, по словамъ нѣкоторыхъ, не такъ славно и обширно, какъ его описываетъ г. Априловъ; напримѣръ, Копривщица имѣетъ болѣе 20,000 жителей, а не 5,000, какъ онъ говоритъ въ филиппопольской епархіи, по географіи Константина Эконома (изданной на греческомъ языкѣ въ Вѣнѣ въ 1819 г.), считашся 360 селъ, а не 150, какъ полагаетъ г. Априловъ. — Намъ обѣщали доставлять матеріалы для географіи и спашистики Болгаріи, — они будутъ напечатаны; шеперь мы ограничимся шѣмъ, что опять скажемъ спасибо г. Априлову и не будемъ его укоряетъ за нѣкоторыя ошибки; мы помнимъ его эпиграфъ: *Quid potui feci, faciant meliora potentes.* —

Обратимъ вниманіе чпшателей на шѣ изъ примѣчаній къ «Денницѣ», которые имѣютъ предметомъ показашь отношенія между Греками и Болгарами. Жалѣемъ, что объемъ спашпи не позволяетъ намъ выпсать многого по эптому предмету изъ книги г. Априлова; ограничимся только выписками небольшими. Въ 5 примѣчаніи говорится о Болгарахъ-католикахъ: около Филиппополя и въ самомъ эптомъ

городѣ живутъ Болгаре, исповѣдующіе Вѣру Христіанскую по закону западной церкви; между Болгарами православными и папистами сущесвующъ взаимныя ненависть и презрѣніе. Г. Априловъ говоритъ о папистахъ: «они могли бы присоединиться къ роднымъ братьямъ, если бы мѣстные архипаспыри умѣли или хотѣли привлечь ихъ къ православію. Жаль, что сіи паспыри, не будучи родомъ Болгаре (а Греки), и домогаясь получить болгарскія епархіи изъ одной корысти, оставляютъ — по достиженіи цѣли — Болгарію, гдѣ мало заботясь о распространеніи Православной Вѣры.» — Очень любопытно 21 прим., въ которомъ описывается какъ перновскій экзархъ (Грекъ) завладѣлъ въ Габровѣ всею церковною серебряною утварью. — «Легко можно догадаться, — такъ оканчивается свой рассказъ г. Априловъ! — что сей поступокъ сдѣланъ имъ не въ одномъ Габровѣ, а по всѣмъ мѣстамъ его экзархаша;» въ началѣ же своего разсказа онъ сказалъ, что это одинъ изъ тысячи примѣровъ. — Теперь въ настоящее время около 50,000 Болгаръ исповѣдуютъ магометанскую вѣру. Причина обращенія ихъ къ исламизму заключается въ поступкахъ митрополитовъ и епископовъ — Грековъ, которые, доставая въ Констанцинополѣ свои епархіи съ большими издержками и приводя съ собою полпу корыслолюбцевъ, нападали, какъ хищныя звѣри, на свою паству и старались всячески исторгнуть изъ нея послѣднюю копѣйку.... Чтобы облегчить свою участь, многія деревни перешли къ магометанизму (прим. 20). — Нельзя довольно удивиться, слушая рассказы о томъ, какъ поступаютъ Греки съ Болгарами. Для примѣра упомянемъ о проповѣди одного епископа содержание которой состояло въ томъ, что Болгаре должны позабыть родной языкъ и принявъ вмѣсто него языкъ греческій: это необходимо для тѣхъ, которые хотятъ, чтобы ихъ молитва достигла до Престола Всевышняго; Богъ не принимаетъ молитвъ, произносимыхъ не на греческомъ языкѣ! — Съ большею силою говоритъ г. Априловъ прошивъ грекоманіи; да и трудно говорить объ этомъ хладнокровно. Нѣкоторые изъ городскихъ кителей, чистые Болгаре, увлеклись привязанностію ко всему греческому до того, что отказываясь отъ своего рода и племени и называясь себя природными Греками. Будемъ надеяться, что слова г. Априлова подѣйствуютъ на нѣкоторыхъ такъ же, какъ подѣйствовали на многихъ слова Венелина!

Изъ примѣчаній, содержаніе которыхъ кришко-историческое, мы не можемъ не остановиться на 14. Г. Априловъ нашелъ въ одной французской книгкѣ, что Анна, супруга нашего Владиміра Равноапостольнаго, есть дочь царя болгарскаго; обрадовавшись своей находкѣ, онъ восклицаетъ: «Русскіе ученые пренебрегли доводомъ маркиза (Каспелъно); не можемъ ли поступить такъ здравая кришка?» Это ужъ слишкомъ! Ксѣнати замѣтимъ, что г. Априловъ силится переиначить приемы у Венелина; не унижая ни сколько его достоинствъ, мы должны поставить ему на видъ, что хорошее у одного, дурно у другаго; что одинъ имѣетъ право говорить такимъ образомъ, какимъ другому говорить не слѣдуетъ. Нѣтъ, г. Априловъ! для того чтобы сказать то, что вы сказали, надобно много, очень много прудиться, надобно что нибудь сдѣлать, и во всякомъ случаѣ не должно говорить очерняя голову: такъ какъ изъ вашихъ словъ видно, что вамъ очень мало извѣстны историческіе пруды Русскихъ, то мы, изъ желанія вамъ добра, сообщимъ о томъ, что мнѣніе вашего маркиза для насъ совсѣмъ не новость. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, Тапищевъ, полагалъ, что Анна была дочь болгарскаго царя Пепра (ш. I. стр. 409 прим. 184); но это мнѣніе не принято, потому что ему противорѣчатъ современныя сказанія. Для г. Априлова будетъ досматрочно, если онъ заглянетъ въ 452 примѣчаніе I ш. Исторіи Государства Россійскаго; вѣроятно онъ удовольствуется тамъ сказаннымъ. Если онъ захочетъ защищать болгарское происхожденіе Анны, то пусть поспрудится намъ представивъ доказательство, не похожія на ссылку на маркиза. — Намъ очень жаль, что г. Априловъ заставляетъ говорить себя непріятныя вещи; для избѣжанія впередъ подобныхъ непріятностей, дружески совѣтуемъ ему ограничить кругъ своихъ занятій и кришическихъ замѣчаній тѣми предметами, которые близки къ нему, и изучить которые онъ не только можетъ, но, какъ истинный Болгаринъ, долженъ.

Оканчивая нашу статью и безъ того очень длинную, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ умѣютъ Болгаре цѣнить услуги имъ оказанныя. Ю. П. Венелинъ, можно сказать, возснано виль имя Болгаръ, разшевелить во многихъ изъ нихъ чувство народности, (въ числѣ другихъ и въ самомъ сочинившемъ «Денницы») ему многимъ, очень многимъ обязаны Болгаре. Цѣнятъ

ли они добро имъ сдѣланное? Цѣнятъ пакъ высоко, какъ нельзя больше! — По выходѣ I п. его изслѣдованій о Болгарахъ, одинъ Болгаринъ г. Георгій Пѣшаковъ сочинилъ въ честь его оду, копорую съ благоговѣніемъ читающъ всѣ Болгаре. Ода состоишь изъ десяти спрочъ; выписываемъ ее для тѣхъ, копорые не имѣли случая до сихъ поръ читать ее.

Тебѣ, Юрій Венелине!

Вси те чѣда Болгарски,

Благодарность ти принѣсятъ

Все сердечни, рѣднински.

Что любовь ты си показаль,

Да упишешъ нихенъ родъ,

Опъ каде си ясно пѣгляшъ,

Чи Славянски са народъ

Славянски, но забуравень,

И напуснешъ жалосно,

Опъ своите брата славни,

Кѣмъ са на да радосно.

Угнѣшенъ опъ всяка спрана,

Подъ едно владычешво,

Сось бѣди, увы! различни,

Въ голѣмо количесиво!

Въ сонъ далбѣкъ и смершовидный,

Что вседневно ее искаль,

И опъ кой да ся пробуди.

Никакъ онъ не е можаль!

Ты си инди, мудрый муже!

Первый, дѣшо си позналь,

Прилично шо средшво мудро,

Чтошо си го запозналь!

За нихно шо пробужденіе,

Камшо просвѣщеніе,

Опъ коѣшо произходи,

Всяко преновленіе.

Болгарія, нихна маперъ,

Нихшошо ошечество,

Тебѣ, за швои ше шруды,

За швоешо вѣжесиво.

Вѣнецъ вѣчный, амарантній,

Ще исплѣ признашельно;

Да украси швоѣ глава

У свяшо, сказашельно

Имено ти да остане,

Бѣзсмертно, прославленно,

И опъ вси ше чѣда нейни,

Вѣкъ незабуравенно. —

Когда плачевная вѣспѣ окончишь незабвеннаго Венелина достигла до Бухареста, творецъ оды, пораженный вмѣстѣ со всѣми Болгарами, неожиданнымъ горемъ, излилъ въ стихахъ тѣ высокія чувствованія, копорыя вдохнула въ него смерть благодѣтеля Болгаръ. Обращаясь къ соопечественникамъ своимъ, онъ восклицаетъ:

Плачете, рыдайте,

Вси, Болгарски чѣда,

Изгубихме вѣчно

Юрѣ Венелина,

Нашъ премудрый братъ!....

Венелинъ успѣлъ обезсмертитъ свое имя; г. Пѣшаковъ говоритъ:

Но на вѣчный спомень

Въ нашише сердцаша

Негошовошо име

Ше бы безсмертно

Ако и умрѣлъ.

Съ какимъ шеплымъ чувствомъ г. Пѣшаковъ изливаетъ свои желанія загробнаго счастья покойному:

Будешъ ти душапа,

Венелине славный!

На вѣки спокойна

И въ небесна слава

Небесныашъ Царъ,

Да те усподоби

Въ небесношо царшво

Вѣчно да проляе

Свойашъ Божій даръ.

Одесскіе Болгаре, желая почтитъ память Венелина, воздвигаютъ надъ могилою его памятникъ; честь и слава имъ! Воздвигая памятникъ Венелину, они спавяшъ, и сами шого не зная, монументъ, копорый будетъ служить доказательствомъ шого, что благодарность и благодаршво пошоянно

живушь въ ихъ сердцахъ. (Долгъ справедливости пребуешь замѣнить, что первая мысль о памятникѣ принадлежишь г. Априлову). — Памятникъ состоишь изъ колонны бѣлаго мрамора, ушвержденной на гранитномъ подножии; на колоннѣ поставлена мраморная же урна, въ которой ушвержденъ позолоченный крестъ. Ничего не можешь быть проще и выразительнѣе! Памятникъ не богатъ; но намъ было бы жаль, если бы Болгаре захошѣли пощеголять въ этомъ дѣлѣ богатствомъ. Безкорыстно Венелинъ воссоздавалъ славянизмъ Болгарь; безкорыстно раздавался его голосъ въ пользу несчастнаго народа славянскаго: онъ не хошѣлъ себѣ спяжашъ богатства при жизни, ему не нужно шенерь мавзолея великолѣпнѣе! Велика была бы радость его, если бы онъ узналъ при жизни, что успѣлъ себѣ воздвигнуть памятникъ въ сердцахъ любимаго имъ народа! Болгаре помнятъ своего благопворителя и спарашься, чтобы ондаленный пошомокъ могъ найши мѣсто, гдѣ покоишся прахъ незабвеннаго! — Если не богатъ памятникъ, то богата надпись, которая прекрасно составлена Г. Н. Савельевымъ; объ ней мы сказали выше.

Прежде, чѣмъ положимъ перо, еще разъ поблагодаримъ Априлова за „Деницу,“ и опъ души попросимъ его продолжать дѣйствовать въ пользу своего народа такъ же безкорыстно, какъ дѣйствовалъ Венелинъ: смѣло поручимся ему, что и Русскіе и Болгаре оцѣнятъ его труды и воздадутъ по дѣламъ его. Что касается до ошибокъ, то ошибаешь свойственно человеку; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему свойственно и спарашься объ исправленіи своихъ ошибокъ, если они явны. Будемъ надѣяться, что будущіе труды г. Априлова будутъ еще оптченливѣе, еще безукоризненнѣе; а въ ожиданіи ихъ еще разъ спасибо ему!

Михаилъ Соловьевъ.

Одесса.

3 го марта 1842 г.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи предспавлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 7 го дня, 1842. года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

(Изъ № 5 го Журнала: Москвитинъ, 1842 года.)

110.558

87/81

ОНУ им. И.И. МЕЧНИКОВА